Vogüé, Eugene Marie Melchoir, vicomte de

Frant͡suzskai͡a kritika ...

Э. Вогюэ.

ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА

о

МАКСИМѢ ГОРЬКОМЪ.

Переводъ съ французскаго

А. Пуцелло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Сентября 1902 г.

Мнѣ хотѣлось бы проникнуть въ темный непроходимый русскій лѣсъ. Я чувствую, какъ онъ манитъ меня въ глубину своей чащи. О чемъ говорятъ, о чемъ думаютъ во мракѣ этого глухого лѣса? Не придумано ли здѣсь новыхъ словъ къ старымъ печальнымъ напѣвамъ, наполняющимъ безысходною тоскою и рѣки, и степи этого многомилліоннаго народа? Эти напѣвы—дыханіе спящаго гиганта, единственный признакъ, обнаруживающій біеніе его измученнаго сердца.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы смѣлѣе и увѣреннѣе стали бродить по опушкѣ этого лѣса, мы, люди Запада, думаемъ, что знаемъ уже нѣчто о Россіи. Слухи, доходятъ оттуда къ намъ нѣсколько чаще прежняго,—это гулъ небольшой горсточки людей, говорящихъ и движущихся быстрѣе остальной, молчаливой и неподвижной массы: это суета прессы, оффиціальные приказы, политическія событія, разговоры высшихъ сановниковъ... Тѣхъ русскихъ, о которыхъ доходитъ до насъ молва, слишкомъ не много, о народной же массѣ, которую намъ хотѣлось бы понять, мы знаемъ немногимъ болѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Въ предисловіи къ своимъ разсказамъ авторъ, изученіемъ котораго я намѣреваюсь заняться, сообщаетъ, какъ онъ прочелъ однажды въ газетѣ о смерти своего друга,

мужика Коновалова наложившаго на себя руки въ тюрьмѣ; это сообщеніе онъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «коротенькая замѣтка была отпечатана мелкимъ шрифтомъ, каковымъ обычно печатаются мелкія сообщенія о катастрофахъ съ маленькими людьми». Вся исторія громаднаго русскаго народа, слагающаяся изо дня въ день, печатается подобнымъ мелкимъ газетнымъ шрифтомъ, о которомъ не суждено ничего знать людямъ европейской прессы.

Лишь нѣкоторые и немногіе писатели могутъ пригодиться намъ въ этомъ отношеніи: тѣ, именно, которыхъ выдѣлилъ самъ народъ за то, что они съумѣли отозваться на безсознательные запросы огромнаго количества своихъ согражданъ. Вотъ, уже скоро двадцать лѣтъ, какъ картина литературной жизни Россіи не дала намъ ни одной выдающейся фигуры изъ этого класса, за исключеніемъ, разумѣется, Толстого. Понятіе о русскихъ нельзя еще составить изъ журнальныхъ статей ихъ критиковъ, изъ ихъ жалобъ на «плохое, сѣренькое время». Красивые, эфемерные цвѣты скрываютъ лишь безплодіе нетронутой еще почвы, похоронившей въ своихъ нѣдрахъ великихъ мертвецовъ, и только одинъ старый дубъ высится еще, осѣняя ее своей роскошной тѣнью.

Встревоженный недавними извѣстіями, цивилизованный міръ боялся за послѣднее время потерять человѣка, которымъ онъ гордится, несмотря на то, что человѣкъ этотъ порицаетъ его. Но, къ счастію, роковой часъ отсроченъ. До сихъ поръ еще Левъ Толстой продолжаетъ писать. Возрастъ не повліялъ на проницательность автора: все такъ же хорошо подмѣчаетъ онъ движенія души, что въ особенности замѣтно на страницахъ «Воскресенія». Къ чему, спрашивается, нужно было бы реформатору требовать раскаянія отъ художника? Толстой, болѣе всего похожій на Руссо, старается отыскать религіозную и соціальную формулу новаго откровенія, которое онъ надѣется сообщить

людямъ. Говорятъ, его вліяніе очень значительно; я вѣрю этому; но по тому самому, что онъ поучаетъ о слишкомъ возвышенномъ, онъ не способенъ быть наблюдателемъ, слова котораго намъ дали бы представленіе о существующихъ стремленіяхъ общества; при томъ же онъ былъ очень вѣрнымъ зеркаломъ жизни минувшихъ поколѣній, такъ что можно сомнѣваться, чтобы онъ отражалъ съ той же самой вѣрностью и новѣйшія теченія. Вспомните Виктора Гюго: въ то время, какъ его окружали славой, отводя ему почетное мѣсто лучшаго представителя литературной Франціи, нѣкоторые передовые умы искали уже иныхъ дорогъ, иного идеала. Непрекращающійся ростъ времени не щадитъ какой бы то ни было суверенитетъ, такъ что, именно, передовые мыслители болѣе, чѣмъ кто либо другой, оправдываютъ слова баснописца: слава приходитъ къ нимъ поздно и держится не долго. Былое восхищеніе сохраняетъ еще имъ почетъ, но способность отражать новыя теченія отъ нихъ ускользаетъ.

Изъ тѣхъ, которые домогались славнаго наслѣдства, блистали на мгновеніе имена такихъ молодыхъ авторовъ, какъ Потапенко, Короленко, фамиліи которыхъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что Малороссія хотѣла навязать своей старшей сестрѣ новую литературную династію. Въ настоящее время Чеховъ терзаетъ больше, чѣмъ кто либо другой, публику, въ духѣ которой сокрушаться суровыми и пасмурными представленіями о жизни. Особеннымъ успѣхомъ пользуется онъ на сценѣ: я не имѣлъ удовольствія видѣть его пьесъ, а потому умалчиваю о нихъ.

Но у него уже появился соперникъ, оспаривающій его славу. Подобно росту листьевъ, при внезапно наступающей русской веснѣ, репутація Максима Горькаго прочно установилась менѣе, чѣмъ въ три года, послѣ появленія его перваго тома. У него много восторженныхъ поклонниковъ въ Россіи; его разсказы начинаютъ переводиться и заграницей. Критики, встревоженные общимъ поклоненіемъ,

вродѣ Меньшикова, утверждаютъ, что онъ обязанъ своими успѣхами необыкновенности своей судьбы. Горькій—чистый типъ самоучки, человѣкъ, который ничѣмъ не обязанъ школѣ, но развился путемъ самообразовательныхъ занятій, въ часы досуга отъ ручного труда. Появился онъ внезапно, изъ низшихъ слоевъ народа, которые онъ описываетъ. Подобные таланты, лишенные классическаго образованія, отличаются порой жесткимъ вкусомъ, они опираются на грубое сознаніе самого народа, который ихъ посылаетъ: Веллотъ, Прудонъ представляютъ въ этомъ отношеніи памятные примѣры,—явленіе, болѣе обычное въ Россіи, чѣмъ у насъ: литературная карьера Горькаго носитъ характеръ странности, вродѣ пари на общественную популярность.

Я прочелъ четыре тома, въ которыхъ собраны произведенія этого скороспѣлаго и плодовитаго работника, именно: маленькіе разсказы, длинныя повѣсти, все то, что печаталось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ русскихъ журналахъ. Критико-біографическій этюдъ Боцяновскаго,—Горькій имѣетъ уже біографовъ,— познакомилъ насъ съ авторомъ и его жизнью. Отвѣтственность за изображеніе этой бурной жизни я возлагаю на моего почтеннаго руководителя. Въ Россіи не легко, вообще, проконтролировать такія свѣдѣнія: еще не давно сожалѣли объ исчезновеніи Горькаго, между тѣмъ онъ, просто, лежалъ больной въ Нижнемъ, и газеты теперь сообщаютъ, что онъ поправился и снова занялся работою. Въ чемъ же сила писателя, которому его поклонники открываютъ такой широкій кредитъ? Чѣмъ онъ связанъ со своими великими предками и чѣмъ отличается отъ нихъ? Что вноситъ онъ новаго, что говоритъ онъ о томъ народѣ, истолкователемъ котораго желаютъ его видѣть. Этимъ мы въ особенности заинтересованы, и въ этомъ-то я и постараюсь разобраться.

I.

Настоящее его имя—Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, —имя, извѣстное лишь по метрическимъ книгамъ. Россія знаетъ своего молодого любимца подъ прозвищемъ, которое онъ самъ себѣ избралъ: Максимъ Горькій. Горько, поистинѣ, было его дѣтство. Онъ родился въ 1869 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ мастерской маляра. Его происхожденіе можетъ послужить матерьяломъ для смѣлыхъ психологовъ, которые объясняютъ умственный складъ скрытыми причинами атавизма. Его дѣдъ съ отцовской стороны, офицеръ одного изъ сибирскихъ батальоновъ, за издѣвательство надъ солдатами былъ разжалованъ императоромъ Николаемъ. Упрямый тиранъ вынудилъ къ бѣгству своего юнаго сына, который черезъ Тобольскъ добрался пѣшкомъ до Нижняго, гдѣ и кормился жалкимъ ремесломъ. Отецъ Горькаго женился «украдкой», противъ желанія семьи, на дочери богатаго купца. Дѣдъ съ материнской стороны, вначалѣ простой бурлакъ или бечевщикъ по рѣкамъ, составилъ себѣ состояніе, съ помощью ума и твердой воли. Романистъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ «Ѳомѣ Гордѣевѣ», заимствуя у него нѣкоторыя бытовыя черты, характеризующія старинныхъ московскихъ купцовъ.

Богачъ раззорился, отецъ и мать Алексѣя умерли, оставивъ своего ребенка въ дѣтскомъ возрастѣ. Оставленный своей родней, сирота вышелъ изъ школы, гдѣ онъ пробылъ всего пять мѣсяцевъ, и поступилъ въ ученье къ сапожнику. Но тамъ онъ оставался не долго.

Пропитанное склонностью къ бродяжничеству, тѣснимое нищетой, небольшое зернышко вскорѣ подхватывается волнами волжскаго теченія.

Съ этого дня, можно сказать, что воображеніе Горькаго охватывается этими материнскими для него волнами.

Здѣсь почерпнулъ онъ богатый матеріалъ для своихъ мечтаній, здѣсь онъ нашелъ свое излюбленное отечество, съ которымъ онъ никогда не порветъ сердечныхъ связей. Онъ нашелъ его среди береговъ, тамъ, гдѣ протекаетъ необозримая скатерть воды, выходящей изъ непроходимыхъ лѣсовъ, воды русской, по преимуществу, величественной и дикой, свободной и печальной, гостепріимной для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ очага, непокоренной властью человѣка, поработившаго рѣки, убѣжища изгнанниковъ, отчизны знаменитыхъ бунтовщиковъ,—Стенекъ Разиныхъ, Пугачевыхъ,—дороги, по которой ускользаютъ отъ ярма законовъ тысячи бродягъ и безпокойныхъ сердецъ, убѣгающихъ по ея волнамъ къ свободѣ, въ богатую приключеніями Азію. Большинство тѣхъ разсказовъ, которые я читалъ, выросли на Волгѣ, окутанные ея туманомъ, наполненные ея журчаньемъ; дѣйствующія въ нихъ лица живутъ на ея берегахъ или плаваютъ на ея судахъ, баржахъ, плотахъ. Мѣсто дѣйствія никогда точно не указывается, да и зачѣмъ? Горькій, вѣдь, рисуетъ босяковъ, которые не имѣютъ ни очага, ни пристанища. Онъ описываетъ ихъ на пути къ какой нибудь неопредѣленной точкѣ пространства, которую онъ не беретъ на себя трудъ называть; наброски окрестностей, обычаи, мѣстный акцентъ, достаточны для того, чтобы установить поле дѣйствія между Нижнимъ и Астраханью. Онъ покидаетъ рѣку только для того, чтобы отправиться къ морю, къ другой своей привязанности; онъ не чувствуетъ усталости въ изображеніи его; онъ рисуетъ его намъ обаятельнымъ, другомъ отваги и независимости для всѣхъ потерпѣвшихъ отъ хищничества или горя, тѣхъ, о которыхъ онъ намъ разсказываетъ съ песчаныхъ береговъ, куда онъ приходитъ пожить съ ними. Волга и море,—два его воспитателя, рано развили въ немъ живое чувство къ природѣ; они пробудили въ немъ жажду къ поэзіи, которая, избавившись отъ человѣческой грязи, нашла выходъ въ жестокомъ реализмѣ.

Взятый поваренкомъ на одинъ изъ рѣчныхъ пароходовъ смышленый мальчуганъ, противъ ожиданія, нашелъ себѣ наставника, въ лицѣ пароходнаго повара, — Михаила Смурина, — бывшаго унтеръ-офицера, великана, съ необыкновенной силой, человѣка со сварливымъ характеромъ, но питавшаго страсть къ чтенію. Его старый чемоданъ былъ наполненъ книгами смѣшаннаго подбора, гдѣ Гоголь и Некрасовъ братались съ Житіями Святыхъ и Камнемъ Вѣры, популярными романами и эпизодами русской исторіи. Свою склонность Смуринъ передалъ и поваренку: живое любопытство къ печатному слову въ немъ пробудилось. Воображеніемъ унесся онъ въ очаровательную высь, родившуюся изъ стараго чемодана: для него открылся новый міръ, — истинный, потому что онъ былъ столь желаннымъ и столь прекраснымъ, — міръ, гдѣ святые творили чудеса, гдѣ историческіе и романтическіе герои совершали баснословные подвиги.

Воспитанный романтикомъ и лирикомъ у повара, будущій писатель реализму научился у жизни. Сама жизнь взяла на себя трудъ показать ему, что дѣйствительность и мечта — не родныя сестры. Оригинальность Горькаго выковалась изъ страшныхъ и тяжелыхъ контрастовъ между развившимися въ немъ изъ его дѣтскаго чтенія стремленіями и создавшимися для него условіями существованія. Съ раннихъ лѣтъ судьба завербовала его надолго въ армію прощелыгъ, голяковъ, бѣглецовъ, всѣхъ тѣхъ соціальныхъ отбросовъ, пѣвцомъ и знаменосцемъ которыхъ онъ и долженъ былъ стать. Въ молодости онъ живетъ въ тѣсномъ единеніи съ подонками русскаго общества, онъ не знаетъ другихъ наставниковъ и другихъ руководителей, кромѣ бездомныхъ товарищей; съ ними переноситъ онъ безъисходную нищету, хватаясь за первое попавшееся ремесло, которое рѣдко даетъ даже кровлю и платье и не всегда еще при этомъ кусокъ хлѣба и стаканъ водки. Судьба его казалась въ то время окончательно опредѣлившеюся: онъ ста-

нетъ однимъ изъ волжскихъ бурлаковъ, съ податливою совѣстью, способныхъ на все за нѣсколько копѣекъ, постоянныхъ кабачныхъ завсегдатаевъ,—тюремную добычу.

Въ то время, какъ плоть его ищетъ съ хитростью хищнаго животнаго насущнаго хлѣба, умъ его, пробужденный чтеніемъ, жаждетъ знаній. Шестнадцати лѣтъ онъ попадаетъ въ университетскій городъ Казань; въ эту пору имъ овладѣло, разсказываетъ онъ, «бѣшеное желаніе» проникнуть въ едва раскрывшійся для него міръ идей. По своей наивности онъ вообразилъ, что достаточно лишь захотѣть познаній, для того, чтобы сразу и получить ихъ. Убѣдившись вскорѣ, что «это не въ порядкѣ вещей», онъ опредѣлился младшимъ помощникомъ пекаря, вѣрнѣе, крендельщикомъ, изготовляющимъ столь лакомые для народа баранки.

Воспоминанія, которыя сохранилъ онъ объ этомъ времени, воспроизводится имъ въ одной изъ лучшихъ его повѣстей: «Коноваловъ». Автобіографическій характеръ разсказа можно узнать по оттѣнку той правдивости, относительно которой нельзя сомнѣваться. Коноваловъ, подмастерье у булочника, приготовляющій вмѣстѣ съ нимъ тѣсто, —типъ сбившагося съ пути мужика, котораго Горькій представляетъ намъ человѣкомъ дюжиннымъ: большой философъ и горькій пьяница, смѣлый, безпокойный, неусидчивый на мѣстѣ, порывающійся къ новымъ горизонтамъ, неспособный гнуться подъ ярмомъ и спокойно работать на мѣстѣ даже тогда, когда оно выгодно. «Зачѣмъ родился я со спиной, на которую никакая упряжь не идетъ?», печально восклицаетъ онъ. Въ часы досуга, когда уже посажены въ печь баранки, иногда далеко за полночь, помощникъ пекаря читалъ вслухъ своему патрону. Интересно, какъ подмѣчаетъ онъ пробужденіе любопытства въ этомъ нетронутомъ еще умѣ; чувствуется. что это лишь паралелль и описаніе его собственнаго просвѣтлѣнія въ то время когда поваръ Смуринъ открывалъ ему воображаемый міръ.

Мѣстами тамъ, гдѣ наиболѣе захватывается вниманіе слушателя, напримѣръ, въ исторіи разбойника Стеньки Разина, котораго Коноваловъ и ему подобные считаютъ за эпическаго предка, неграмотный разъ двадцать проситъ повторить ему прочитанное; горящимъ взоромъ впивается онъ въ книгу и заставляетъ показать ему мѣсто, гдѣ про это напечатано; онъ спрашиваетъ, —и эта черта схвачена очень живо,—«возможно ли, чтобъ эти буквы были тѣ же самыя, что и прочія?» Итакъ, внутри этой пекарни, въ глубинѣ подвала, среди ночной тишины и на разсвѣтѣ брезжущаго утра возрождается народная мысль Россіи.

«Я лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало, и въ стекла оконъ, покрытыя пленкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. . Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо» [1]).

Въ свободные дни оба товарища отправлялись съ книгою въ поле, на берегъ рѣки. Тамъ, растянувшись на травѣ, они вскорѣ бросали чтеніе — «Максимъ, давай въ небо смотрѣть!» — «Айда, Максимъ, на Кубань», говорилъ Коноваловъ. Охваченные природой, они погружались въ смутныя мечтанія. Иногда доходили они до большого мрачнаго дома, заброшеннаго среди поля, полуразрушеннаго, залитаго водой. Онъ служилъ убѣжищемъ крайне неприглядному обществу: бродягамъ, оборванцамъ, нищимъ, всѣмъ тѣмъ, которые, изъ страха передъ полиціей, не искали пристанища въ городѣ. Пекаря угощали ихъ водкой, босяки же платили имъ за это разсказами о своихъ приключеніяхъ, болѣе фантастичными и потрясающими, чѣмъ книжныя повѣсти. Здѣсь-то и собралъ Горькій тотъ матеріалъ, который впослѣдствіи онъ использовалъ въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ

[1]) Изд. тов. „Знаніе“, т. II, 24.

своихъ разсказовъ: «Бывшіе люди» Разъ какъ-то собесѣдованія эти были прерваны нагрянувшимъ нарядомъ полиціи, послѣ чего и разсказчикамъ, и слушателямъ пришлось переночевать подъ карауломъ.

Молодой человѣкъ имѣлъ, впрочемъ, и болѣе благородное знакомство, хотя, быть можетъ, и болѣе опасное для его спокойствія. Введенный въ нѣкоторые студенческіе кружки, онъ познакомился тамъ съ идеями, волнующими этотъ пылкій классъ. Тургеневъ и Достоевскій описали уже вамъ ужасное состояніе этой молодежи, снѣдаемой безпокойными идеями, безрадостной, измученной физическими лишеніями, бунтующей и кипящей, подобно самовару, около котораго они сходятся, чтобы заглушить голодъ нѣсколькими стаканами чаю, и чтобы въ облакахъ пара и дыма создать химерическій міръ. Поверхностно воспринятая наука воспламеняетъ эти свободные отъ всякихъ традицій, нетронутые умы подобно взрывчатому веществу. И Горькому представилось новое испытаніе: въ трущобахъ спаивали его водкой, здѣсь же онъ пьянѣлъ отъ абстракцій Мы безъ труда представляемъ себѣ то отчаяніе и возмущеніе, которое охватывало его чуткую душу каждый разъ, когда онъ послѣ этихъ философскихъ собраній спускался въ подвалъ своей пекарни.

Позже онъ описалъ это въ своемъ разсказѣ, озаглавленномъ: «Однажды осенью», въ которомъ шутливый тонъ лишь прикрываетъ горечь воспоминаній. Здѣсь разсказываетъ онъ объ одномъ изъ многихъ дней безысходной нужды, испытанной имъ лѣтъ 18-ти отъ роду. Въ этотъ вечеръ, голодный, бродилъ онъ по пристани въ поискахъ за кускомъ хлѣба: неподалеку виднѣлся запертый, но уже заброшенный ларь лавочника. Не найдется ли тамъ чего нибудь съѣдобнаго? Въ это самое время онъ замѣтилъ появившуюся изъ тѣни фигуру уличной женщины, томящейся, подобно ему, голодомъ. Она предложила ему взломать ларь. Онъ сорвалъ доску, она скользнула въ отверстіе и

вскорѣ появилась оттуда со старою коркою хлѣба; оба съ жадностью поглотили ее, послѣ чего укрылись подъ опрокинутую лодку, которая до утра защищала ихъ отъ пронизывающаго осенняго дождя. Молодой человѣкъ отъ холода стучалъ зубами, а дѣвушка жалась къ нему, согрѣвая его своимъ тѣломъ. Но не ищите здѣсь игривой развязки; нѣтъ ничего пристойнѣе описанія этой ночи: два существа, придавленныя нуждой, просто, испытываютъ чувство волка и волчицы, попавшихъ въ западню.

«Сколько было ироніи надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте! Вѣдь, я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старался приготовить изъ себя крупную общественную активную силу». «Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ, въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собой исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной, для жизни необходимой и вполнѣ способной сыграть въ ней крупную историческую роль! И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны, и которому я не догадался помочь раньше, чѣмъ она мнѣ помогла сама, а если-бы и догадался, то едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ либо» [1]).

Лихорадочная работа мысли, при истощенномъ отъ постоянныхъ постовъ организмѣ, привела къ попыткѣ самоубійства, столь частой среди русскаго юношества.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду, рѣшивъ, что жизнь не стоитъ того, чтобы сносить ее, Горькій стрѣляется.—

---

[1]) Изд. тов. „Знаніе“, т. I. стр. 149.

«Этимъ я прервалъ, —шутливо поясняетъ онъ,—затѣянную было торговлю яблоками». Подстрекаемый непреодолимымъ инстинктомъ бродяжничества и чувствуя, какъ онъ самъ сознавался, «что его мѣсто не могло быть среди интеллигенціи», онъ отправился на Волгу, дошелъ до Кубани и, проживъ нѣкоторое время на Кавказѣ, ушелъ оттуда на побережье Чернаго моря. Желѣзнодорожнымъ сторожемъ, бурлакомъ, разгрущикомъ, работникомъ на рыболовныхъ тоняхъ и солеварняхъ, въ докахъ и на морскихъ верфяхъ, онъ пріобрѣлъ большую опытность въ различныхъ отрасляхъ вольнонаемнаго труда; здѣсь онъ сдружился съ людьми, хотя и мало почтенными, но жизненными и оригинальными, которые доставили ему длинную галлерею типовъ; здѣсь же запасся онъ поэтическими картинами природы, въ которыя онъ и облекаетъ впослѣдствіи свои незамысловатые разсказы. Это были его университетскіе годы: высшее образованіе, не добившись котораго съ каѳедры, Горькій потребовалъ отъ профессоровъ, читающихъ свои курсы на большихъ дорогахъ.

Страсть къ литературѣ заговорила въ немъ. Первый опытъ въ этомъ направленіи онъ сдѣлалъ въ 1892 г., отправивъ написанное въ нѣкоторыя изъ провинціальныхъ газетъ. Въ слѣдующемъ году ему удалось повстрѣчаться въ Нижнемъ съ Короленко, который сильно заинтересовался молодымъ дебютантомъ.—«Скажите,—говорилъ впослѣдствіи Горькій заинтересованнымъ его личностью біографамъ,—скажите, что первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ—поваръ, Смуринъ; вторымъ—адвокатъ Ланинъ; третьимъ — Александръ Калюжный, «исключенный изъ общества», а четвертымъ-Короленко.»

Благодаря этому новому покровительству петербургскіе журналы открыли свои столбцы незнакомцу. Не извѣстный въ теченіи цѣлыхъ 6-ти лѣтъ, онъ вызвалъ оживленные споры критиковъ вмѣстѣ съ первымъ же появившимся, въ 1898 г., томомъ его разсказовъ. Критика,

вначалѣ долго колебавшаяся и отдѣлывавшаяся обиняками, невольно смутилась: ужъ не есть ли этотъ народившійся писатель лишь обманчивый метеоръ, появляющійся на ночномъ русскомъ небѣ и быстро потухающій лишь для того, чтобы сконфузить слишкомъ поспѣшныхъ астрономовъ, наперерывъ готовыхъ заявить о вновь появившейся звѣздѣ. Публика поступила откровеннѣе и, какъ это постоянно случается, ея восторженное одобреніе увлекло за собой и критику, превратившуюся вскорѣ въ единый хвалебный гимнъ, при чемъ самыми экзальтированными поклонниками оказались, конечно, тѣ, которые раньше болѣе другихъ сомнѣвались въ писателѣ. Зимою 1899 г., въ честь пріѣхавшаго въ столицу автора устраивалось множество литературныхъ вечеровъ, молодежь приступомъ брала залы аудиторій; появленіе Горькаго на эстрадѣ сопровождалось бурными оваціями. Съ тѣхъ поръ состоялось не мало собраній и литературныхъ чтеній, вызвавшихъ, несмотря на отсутствіе автора, массу шума, пронесшагося эхомъ до самаго Нижняго. Имѣющійся въ моемъ распоряженіи экземпляръ «Разсказовъ» помѣченъ 20-й тысячей,—цифра, баснословная для Россіи.

Своеобразная фигура: энергичная, съ небрежно отброшенными назадъ волосами, крестьянская блуза,—Горькій никогда не носитъ другой одежды,—все обличаетъ въ немъ типъ молодого, смѣлаго интелигентнаго мужика, того самаго котораго сотни разъ встрѣчалъ на дорогахъ, въ то время еще, когда онъ искалъ своего счастья. Весною, 1900 года, извѣстнымъ художникомъ Рѣпинымъ былъ выставленъ портретъ писателя; сходство автора съ его изображеніемъ здѣсь несомнѣнно; кажется, будто онъ же позировалъ передъ художникомъ 15 лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда Рѣпинъ создавалъ себѣ репутацію суровой по реализму картиной: «Волжскіе бурлаки, босые, подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ, тянутъ бечевой барку». Портретъ Горькаго произвелъ на выставкѣ фу-

роръ: молодежь, студенты и курсистки, не отрывали отъ него глазъ.

Чѣмъ же плѣнилъ онъ сердца? Не открылъ ли онъ новыхъ прелестей истины и красоты, или же онъ, просто, далъ печальное утѣшеніе въ болѣе полномъ сознаніи своихъ страданій и недостатковъ? На это отвѣтятъ намъ его сочиненія.

II.

Лишь поверхностнымъ наблюдателямъ роль писателя не была ясна изъ первыхъ же его опытовъ; для болѣе глубокихъ эти произведенія навсегда опредѣлили его сущность и направленіе. Разсказы, вродѣ: «Макаръ Чудра», «Старуха Изергиль», «Ханъ и его сынъ», отзываются анахронизмомъ, кажется, будто они написаны въ пору полнаго расцвѣта романтизма, преемникомъ Пушкина и Лермонтова. Я нѣкогда писалъ уже о томъ, какъ русскіе послѣдователи Байрона превратили Крымъ и Кавказъ въ священныя страны романтической поэзіи. И до сихъ поръ еще врата Востока охраняются этими двумя чародѣями. Стоитъ лишь перешагнуть черезъ порогъ для того, чтобъ охватило звуками ихъ пѣсней; свободы для личныхъ впечатлѣній здѣсь нѣтъ, всѣ предметы окрашиваются сквозь призму. Природное великолѣпіе страны дополняется ореоломъ, которымъ ее окружили поэты. Великіе литературные творцы властны распоряжаться атмосферою нѣкоторыхъ странъ, и поэтому формы воспріятій и чувствованій здѣсь опредѣлены заранѣе. Наиболѣе родственный по настроенію пейзажъ сохраняется и передается и послѣдующимъ поколѣніямъ, подобно тому, какъ неаполитанская гавань въ описаніи Ламартина. Даже Толстой, во время своей военной службы на Терекѣ, подпалъ вліянію своихъ предшественниковъ, что доказывается его «Казаками».

Согрѣтый жаромъ произведеній поэтовъ, молодой Горькій попадаетъ на Кавказъ, онъ видитъ ихъ глазами, воспринимаетъ ихъ чувствами: картины и лица, преданія и нравы, порывы пылкой страсти и языкъ дикой гордости — все это въ его разсказахъ напоминаетъ чистѣйшій байронизмъ изъ «Цыганъ» или «Демона». Развивая свою фаталистическую философію, пастухъ Макаръ Чудра вспоминаетъ дикую любовь прекрасныхъ дочерей Кубани, красоту ихъ вольной жизни, хотя и говоритъ, что жизнь эта пуста и тяжела для тѣхъ, кто не уловилъ ея смысла... «Ты никогда не найдешь лошади, на которой ты могъ бы ускакать отъ самого себя»... Въ этомъ разсказѣ намъ слышится знакомый голосъ Лермонтовскаго Печорина. «Изергиль» — родная дочь Пушкина, въ ней, въ этой старой крымской татаркѣ, воскресли необузданныя страсти Алеко изъ «Цыганъ», его мечты и жалобы. Прекрасная легенда о Ларѣ разсказываетъ о томъ, какъ этотъ сынъ дѣвушки, похищенной орломъ, приноситъ своему сословію инстинкты отца; своими руками, какъ когтями, раздираетъ онъ сердце любимой женщины, ничто не можетъ истребить въ немъ сатанинской гордости, которую сыновья наслѣдуютъ отъ орловъ, въ особенности, добавимъ отъ себя, если они родятся приблизительно около 1830 года.

Мало оригинальности въ измышленіи подобныхъ героевъ, мало правды въ такихъ искусственныхъ натурахъ, которыхъ Горькій возродилъ подъ покровомъ романтизма, тѣмъ не менѣе восточные эскизы молодого писателя показали его способность воспринимать и описывать. Жанръ картинъ, правда, устарѣлъ, но все же видна въ его работѣ молодость и сила, блескъ красокъ, богатство и содержательность образовъ, усиленная впечатлительностью автора. Истинно художественна картина потухающаго дня на берегу Крыма, когда Изергиль вспоминаетъ свои прежнія привязанности; пѣсни этой женщины, рѣющія надъ моремъ, звучатъ въ меланхолическомъ разсказѣ радостной

ноткой, замирающей вмѣстѣ съ воспоминаніями старой женщины.

«Ея сухой голосъ звучалъ безъ вибрацій, онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями... Какъ будто это роптали всѣ забытые вѣка, воплотившіеся въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо аккомпанировало началу одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ быть, создались на его берегахъ» [1]).

Авторъ одаряетъ Изергиль простыми, но справедливыми мыслями.

«Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ, просто, лѣнтяи, или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней». «Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно, какъ бы съ покойниками [2]).

Это не глупо написано.

Горькій не ограничился, однако, этими заимствованіями; вниманіе его вскорѣ сосредоточилось на его товарищахъ по нуждѣ, съ которыми нѣкогда онъ шелъ бокъ-о-бокъ. Писатель съ замѣчательною точностью отразилъ въ себѣ эволюцію, совершившуюся нѣкогда въ Гоголѣ, его дѣйствительномъ предкѣ. Пѣвецъ «Тараса Бульбы» также подвизался въ области историческаго романтизма: геніальная интуиція указала ему, однако, на окружающій его новый, неизслѣдованный міръ провинціальныхъ нравовъ; и, если съ 1840 года онъ не создалъ реализма въ полномъ смыслѣ этого слова,—искусство, какъ и природа, не дѣлаетъ грубыхъ скачковъ,—то, во всякомъ случаѣ, онъ ввелъ лирическій реализмъ: сочетаніе такихъ словъ станетъ извини-

---

[1]) Изд. тов. „Знаніе", т. I, 114—116.
[2]) Ibid. 128—127.

тельнымъ, если только припомнить немалочисленныя страницы изъ Бальзака и Флобера, которыя трудно иначе опредѣлить. Гоголь, этотъ замѣчательный писатель, котораго слѣдуетъ помѣстить на вершинахъ европейской литературы, сумѣлъ обнять своимъ широкимъ взоромъ всѣ общественные классы. Поле наблюденія, на которомъ остановился Горькій, болѣе ограничено; за рѣдкими исключеніями, онъ никогда не подымается выше рабочаго класса; съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается онъ на праздношатающихся и бѣглецахъ изъ этой арміи труда.

«Босяки». «безпокойные люди», «бывшіе люди»,— вотъ, три любимыхъ выраженія и три постоянныхъ заглавія его разсказовъ, появляющихся изъ-подъ его пера и характеризующихъ ту соціальную или, вѣрнѣе, антисоціальную среду, которою онъ по преимуществу интересуется. Наводненное множествомъ источниковъ болото замутилось, и это обстоятельство наводить на мысль о той трясинѣ русскихъ луговъ, почва которыхъ колеблется подъ ногами бродящихъ по ней. Вы не встрѣтите здѣсь осѣдлаго крестьянина, обрабатывающаго свою землю, того мужика, котораго такъ близко, съ такой любовью изучалъ Тургеневъ и другіе новѣйшіе романисты: Горькій не останавливаетъ на немъ своего вниманія съ тѣхъ поръ, какъ онъ отчалилъ отсюда и поплылъ въ бродячее царство. Несчастіемъ, нуждою, лѣностью вербуются люди въ потайной мірокъ, придающій всѣмъ имъ одну физіономію; тамъ смѣшиваются и уравниваются и неудавшійся студентъ, и прокутившійся купецъ, бывшій чиновникъ и офицеръ. Выборомъ сюжетовъ и манерой ихъ описывать Горькій напоминаетъ Жюля Валлеса съ его «Бѣглецами» [1]).

Здѣсь онъ черпаетъ свое вдохновеніе; онъ раскрываетъ передъ нашими глазами кинематографъ, въ которомъ проходитъ и вновь возвращается множество, доходящее иногда

---

[1]) См. о немъ въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. V, стр. 427.

*

до монотонности, бродягъ, послужившихъ темою болѣе, чѣмъ тридцати разсказовъ. Онъ не разнообразитъ пріемовъ своего творчества; не требуйте отъ него никогда того, что нѣкогда называлось интригой, романтическимъ дѣйствіемъ: вы никогда не найдете и слѣдовъ этого: даже въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ», представляющемъ по своимъ размѣрамъ длинный романъ, онъ заимствуетъ свои образы изъ повседневной жизни, обрисовывая лишь силуэты героевъ, говорящихъ, жестикулирующихъ, философствующихъ, психологія которыхъ зачастую занимаетъ нѣсколько страницъ; онъ покидаетъ ихъ съ такою же внезапностью, какъ и знакомитъ съ ними. Его половинчатые эскизы, собранные вмѣстѣ, составятъ, какъ кажется, впослѣдствіи одну громадную фреску: такова уже особенность его таланта, что каждый изъ нихъ представляетъ собою небольшую законченную картинку.

Его талантъ сказывается прежде всего въ выборѣ и превосходной отдѣлкѣ рамки, въ которую онъ вставитъ дѣйствующихъ лицъ. Чѣмъ они вульгарнѣе и ниже, тѣмъ большую потребность чувствуетъ Горькій показать въ нихъ, при всемъ кажущемся несоотвѣтствіи, красоту и мощь окружающей ихъ природы. Руководимый своимъ юнымъ романтизмомъ, лирикъ, къ счастью, сказывается все же въ этомъ реалистѣ. Самъ Айвазовскій, знаменитый художникъ-маринистъ, прославившійся описаніемъ Чернаго моря, пожалуй, не больше понималъ и цѣнилъ измѣнчивый обликъ этого моря во всякіе часы и при всякомъ освѣщеніи.

Челкашъ—морской хищникъ, контрабандистъ, совратившій неопытнаго парня въ свои ночныя похожденія; гдѣ-то и что то они крадутъ; какъ тяжело все и мрачно въ жизни этихъ людей: и намѣренія старика, и страхъ молодого, и мысли, и загадочные ихъ разговоры, которыми они обмѣниваются. Море и небо сочувствуютъ имъ. Товарищи вдвоемъ пускаются въ лодкѣ изъ гавани.

«Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ и море было покойно, черно и густо, какъ

масло. Оно дышало влажнымъ соленымъ ароматомъ и ласково звучало плескаясь о борта судовъ, о берегъ... И чуть-чуть покачивая лодку Челкаша... Лодка помчалась снова безшумно и легко, вертясь среди судовъ. Вдругъ она вырвалась изъ ихъ толпы, и море, безконечное, могучее, блестящее, развернулось передъ ними, уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ лилово-сизыхъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленоватыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ свинцовыхъ тучъ, что бросаютъ отъ себя такія тоскливыя тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна надъ другою и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и, вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ. Казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и, что онѣ будутъ всегда такъ равнодушно всползать на небо, задавшись тупо-злой цѣлью не позволять ему никогда больше блестѣть надъ соннымъ моремъ милліонами своихъ золотыхъ очей—разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательныхъ, сіяющихъ, возбуждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорогъ ихъ святой и чистый блескъ»... [1]) «Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобнымъ звукомъ, дождь мягко сыпался на палубу и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, неимѣющей надеждъ на счастье своего сына»... [2])

На побережьѣ Горькій встрѣчаетъ своего стариннаго товарища Коновалова, нанявшагося, въ числѣ прочихъ, строить морской молъ. Онъ описываетъ тяжелую работу этого человѣческаго муравейника, «всѣхъ этихъ сѣренькихъ

---

[1]) Изд. тов. «Знаніе», т. I, 86.

[2]) Ibid, 107.

людей», разбивающихъ гору, чтобы построить изъ нея препятствіе волнамъ. Вотъ, пробилъ часъ отдыха: Коноваловъ дѣлитъ съ нимъ свое логовище, треснувшую по скату горы разсѣлину. Изъ этой обсерваторіи они наблюдаютъ море.

«Оно лежало, ослѣпляя глаза своимъ блескомъ, большое, сильное, доброе и его могучее дыханіе вѣяло на берегъ, освѣжая истомленныхъ людей, трудящихся надъ тѣмъ, чтобы стѣснить свободу его волнъ, которыя теперь такъ кротко и звучно ласкаютъ изуродованный берегъ. Оно какъ бы жалѣло ихъ: вѣка его существованія научили его понимать, что не тѣ злоумышляютъ противъ него, которые строятъ: оно давно уже знаетъ, что это—только рабы, ихъ роль—бороться со стихіями лицомъ къ лицу, а въ этой борьбѣ готова и месть стихіи имъ. Они всѣ только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь-цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчному стремленію сооружать,—стремленію, которое создаетъ на землѣ чудеса, но все-таки не даетъ людямъ крова и слишкомъ мало даетъ имъ хлѣба. Они тоже стихія, и вотъ почему море не гнѣвно, а ласково смотритъ на ихъ трудъ, отъ котораго имъ нѣтъ пользы. Это сѣрые маленькіе черви, источившіе гору... И, улыбаясь спокойною улыбкою титана, сознавшаго свою мощь, море овѣвало своимъ живительнымъ дыханіемъ титана, еще духовно слѣпого, порабощеннаго и жалко ковыряющаго землю, вмѣсто того, чтобы стремиться къ родству съ небомъ» [1]).

И свободный отъ лирическаго вдохновенія, стиль Горькаго во всемъ и вездѣ одинъ, онъ обнаруживаетъ громадное дарованіе писателя и неизсякающій запасъ образовъ, всегда новыхъ и оригинальныхъ, сроднившихся съ привычками и профессіей олицетворенныхъ въ нихъ героевъ. Знакомство съ ремеслами, уроки, полученные внѣ школы, съ ея установившимися традиціями, прошли не

[1]) Изд. тов. «Знаніе».—т. II, 54—55.

безъ пользы для самоучки. Еще и другимъ своимъ литературнымъ превосходствомъ обязанъ онъ этому жестокому воспитанію: мучительной правдивостью описанныхъ, по собственному опыту, страшныхъ ощущеній усталости, холода и голода,—голода, въ особенности; въ разсказахъ: «Однажды осенью», «Въ степи», мученія человѣка, изнемогающаго отъ истощенія, анализированы чуть ли не съ медицинской точностью. Трудно забыть картину ночевки трехъ бродягъ, сбившихся съ пути, въ безлюдной степи и ихъ встрѣчу съ оборванцемъ, у котораго они отнимаютъ суму; какая напряженность жизненныхъ силъ въ овладѣніи кускомъ хлѣба, хотя бы цѣною преступленія, превращающая это вульгарное приключеніе въ величайшую трагедію!

Даже въ крайностяхъ своего реализма Горькій остается закоснѣлымъ романтикомъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію своихъ восторженныхъ мечтаній о природѣ: это видно уже изъ выше цитированныхъ отрывковъ, въ особенности же, по тяготѣнію къ опредѣленному типу героевъ. Челкашъ и Коноваловъ, Сережка изъ «Мальвы» и сама Мальва,—вотъ типъ, выведенный въ большинствѣ его разсказовъ, постоянно сходный въ тѣхъ или въ иныхъ оттѣнкахъ и всегда превознесенный авторомъ, оказывающимъ ему тѣмъ болѣе предпочтенія, чѣмъ меньше заслуживаетъ ее лицо съ точки зрѣнія буржуазной морали. Это типъ гуляки съ хорошею мускулатурой, смѣлымъ сердцемъ, лѣниваго и порочнаго, но способнаго на внезапные подъемы, одареннаго громадной энергіей, которую онъ топитъ въ винѣ, не зная, куда ее дѣвать: это типъ философа и фаталиста, не признающаго никакой подчиненности и возстающаго противъ какого бы то ни было закона. Пусть даже это будетъ отпѣтый бродяга, бродяга по призванію, впрочемъ, въ глазахъ русскаго писателя это, именно, и является его существеннымъ достоинствомъ. Нива, хорошая пахотная земля, родная деревня, очагъ—вотъ, тѣ препятствія и враги, о которыхъ онъ отзывается лишь съ презрѣ-

ніемъ противопоставляя имъ такихъ освободителей, какъ степь, рѣка, море... Постоянно гонимые атавистическимъ духомъ кочевничества съ мѣста, гдѣ они только что расположились, босяки Горькаго являются прямыми потомками тѣхъ казаковъ, бѣгущихъ отъ нормальной жизни, спорадическая эмиграція которыхъ является и до нашихъ дней характернымп явленіемъ въ русской исторіи: это пѣна, которую непрестанно намываетъ славянскій океанъ на своихъ берегахъ, наполняя ею прилегающія земли.

Всѣхъ этихъ блуждающихъ подмываетъ какое-то мучительное безпокойство; подобно англійскому сплину, русскихъ одолѣваетъ «тоска,» національный продуктъ стараго человѣческаго зла: скуки и безнадежности существованія. То холодная и суровая, какъ ея мать, зима, то шумливая и клокочущая, какъ вода тающаго снѣга она инстинктивно требуетъ расхода жизненной энергіи, ища забвенія въ опасностяхъ и разныхъ безумствахъ, а чаще всего, —въ кабакѣ. Въ одномъ изъ разсказовъ Тургенева «Отчаянный», дядюшка спрашиваетъ племянника-пьяницу: «Да отчего тоска?» — «Какъ же помилуйте! Придешь этакимъ образомъ въ себя, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи. Ну, и кончено! Сейчасъ тоска,— хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ».—«Россію-то ты сюда зачѣмъ приплелъ? Все это у тебя отъ бездѣйствія».— «Да не умѣю я ничего дѣлать, научите меня, что мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть? Я—сію минуту!»..

«Тоска»—вотъ, послѣднее слово въ психологіи Горькаго, слово, тамъ и сямъ мелькающее въ его сочиненіяхъ. Въ одномъ изъ его разсказовъ, озаглавленномъ: «Страничка изъ жизни одного мельника», повѣствуется о нѣкоемъ мельникѣ, котораго внезапно охватилъ этотъ повальный недугъ: мельникъ ѣдетъ въ городъ, бродитъ зачѣмъ-то по улицамъ, преслѣдуемый своимъ невидимымъ врагомъ, котораго онъ старается уловить. Онъ собираетъ падшихъ женщинъ и прихлебателей, внушающихъ ему ужасъ, и уединяется съ

этой компаніей въ трактирѣ, тамъ они поютъ грустныя, грустныя пѣсни... Онъ плачетъ, повѣряя свое неизлѣчимое горе незнакомымъ людямъ, угощающимся на его деньги; послѣ трехдневнаго безпробуднаго пьянства возвращается онъ на мельницу еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ прежде. Вотъ, и все. Еще Тургеневскій дядюшка оцѣнилъ по достоинству эти объясненія племянника, повторяемыя и до утомительности развиваемыя теперь въ произведеніяхъ Горькаго однимъ словомъ: «все это отъ твоей праздности». Нашъ авторъ, конечно, не признаетъ этого: для него это зло есть нѣчто священное и фатальное. Да, мы снова возвращаемся къ понятіямъ дѣтства, и они-то и составляютъ сущность разбираемыхъ произведеній; впослѣдствіи мы увидимъ, что это быть можетъ, важное, по своему литературному и соціальному вліянію, направленіе не болѣе, какъ обветшалый романтизмъ, горюющій въ поискахъ за новымъ славнымъ Манфредомъ и Роллой, которыхъ онъ и находитъ въ концѣ концовъ среди кабачной обстановки.

Таково реальное, по мнѣнію автора, изображеніе черни; женщинамъ отводится второстепенное мѣсто, его обычные герои говорятъ о нихъ съ презрительной ироніей, сообразно съ этимъ и обращаются съ ними. Всѣ они думаютъ подобно Коновалову: женщина —прирожденный врагъ той свободы, которую бродяга долженъ любить больше всего. Пекарь при этомъ разсказываетъ своему другу, какъ однажды, когда онъ былъ конюхомъ въ циркѣ, попалъ онъ въ фаворъ нѣкой примѣтившей его купчихѣ, которая устроила было ему славную жизнь, и какъ, несмотря на то, что она пришлась ему по вкусу, бросилъ онъ ее, потому что не могъ удержаться на мѣстѣ: «что-то и куда-то тянуло его»... Коноваловъ прибавляетъ:

«Но я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что особенное есть? Женщина живетъ и ей скучно, а народъ все замухрышка... Поло-

*) Изд. тов. «Знаніе», т. II, 13.

жимъ, я кучеръ, но женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ,—всѣ мужчины... И всѣ передъ ней свиньи, всѣ одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять, да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, то есть не... тово... не насмѣюсь надъ ней. Женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Онѣ стыдливѣе противъ насъ».

Случайныя подруги, которыми Горькій надѣляетъ своихъ босяковъ, останавливаютъ мимолетное вниманіе его лишь своими необычайными поступками: напр., когда онѣ одновременно соблазняютъ отца и сына, сталкивая этимъ двухъ звѣрей и избирая того, кто оказался въ этой борьбѣ сильнѣе. Таковъ сюжетъ «Мальвы» и «На плотахъ». Если художникъ обрисовалъ фигуру Мальвы съ такой исключительной снисходительностью, то только потому, что она воплощаетъ, какъ и его герои, типъ бродячаго, ненасытнаго животнаго, которое на все существующее смотритъ, какъ на свою добычу и, при всемъ этомъ, не удовлетворяется никакою добычею: такова та единственная женщина, которую писатель одарилъ кокетствомъ и прочими женскими прелестями. Становится понятнымъ, чѣмъ привлекаетъ эта крымская сирена на свои рыболовныя тони: душа моря играетъ въ ея зеленыхъ глазахъ, въ ея смѣхѣ, которымъ она плѣняетъ людей. Изъ самаго ея существа изливается магнетическій потокъ, захватывающій морскіе пейзажи: нигдѣ они не описаны Горькимъ съ большимъ великолѣпіемъ, нигдѣ такъ не обрисованы сердечныя муки этихъ грубыхъ людей. Мнѣ кажется, Мальва—лучшее изъ его произведеній.

Блѣдными, далекими тѣнями движутся падшія женщины въ его разсказахъ. Роль ихъ ограничивается пѣніемъ безконечно грустныхъ мелодій, дѣтскій лепетъ которыхъ

заканчивается долгимъ раздирающимъ душу рыданіемъ, похожимъ на ревъ раненаго животнаго, рыданіемъ, доводящимъ до слезъ печально настроеннаго гуляку. Ничто такъ не смущаетъ французскаго читателя, какъ эти молчаливыя, печальныя и въ высшей степени благопристойныя, по крайней мѣрѣ въ описаніи автора, оргіи.

Еще разъ отмѣчаемъ здѣсь существенную разницу между русскими реалистами и большинствомъ французскихъ. Картины первыхъ могутъ быть пошлы, гадки, отвратительны, но онѣ никогда не поднимутъ чувственнаго возбужденія. Въ самыхъ неприличныхъ, по нашимъ понятіямъ, описаніяхъ эти невозмутимые философы видятъ лишь одно достойное сожалѣнія; все ихъ вниманіе сосредоточивается исключительно на психологической сторонѣ явленія; въ остальномъ ихъ описанія такъ же благопристойны, какъ трагедіи Расина. Таковъ, напр., сюжетъ «Васьки Краснаго»: Васька—это непонятно-жестокій слуга изъ притона, на обязанности котораго лежитъ сѣчь всѣхъ провинившихся женщинъ публичнаго дома большого города. И на такую-то тему, ради которой французскіе спеціалисты состязались бы въ передачѣ непристойностей, Горькій написалъ тяжелый этюдъ, безстрастный, какъ полицейскій рапортъ. Комментаріи на подобныя вещи плохо выясняютъ, конечно, разницу въ авторскихъ намѣреніяхъ, но самое чтеніе и сравненіе, несомнѣнно, покажутъ каждому впечатлительному и искреннему человѣку, что то же самое тѣло, которое предлагается у насъ трепещущимъ и соблазнительнымъ въ качествѣ увеселительнаго средства, показывается здѣсь препарированнымъ въ анатомическомъ музеѣ, въ которомъ на нравственныхъ трупахъ можно изучать страданія и отмираніе души.

Какое же остается впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ «Разсказовъ»? Каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, интересенъ: увлекаешься яркими образами, мѣткостью наблюденій, живымъ изложеніемъ, въ которомъ лирическія эмоціи

чередуются съ шутливыми и насмѣшливыми остротами. Но, по мѣрѣ того, какъ углубляешься въ эту галлерею горькихъ пьяницъ, все ея разнообразіе,—и этого было бы несправедливо не признать,—вызываетъ одно лишь чувство удручающей тоски; тяжелый кошмаръ давитъ мысль, становясь подъ конецъ нестерпимымъ. То обстоятельство, что Горькій отводитъ плачевнымъ героямъ своего воображенія большую дорогу, размѣщая ихъ здѣсь въ живописныя группы, какъ-то невольно позабывается: настроеніе, которымъ они овладѣли, перепутываетъ ихъ въ концѣ концовъ, объединяя всѣхъ ихъ около коновода всей этой вереницы—отставного капитана Кувалды въ его конурѣ,—ночномъ ихъ убѣжищѣ, куда каждый вечеръ собираются всѣ «бывшіе люди». Авторъ собралъ въ этомъ соціальномъ адѣ самыхъ типичныхъ изъ своихъ героевъ; они приходятъ туда для разглагольствованій подъ пьяную икоту; осужденные на вѣчное мученіе, они кружатся въ скучномъ кругѣ: резонерства и пьянства, пьянства и резонерства. Нравственный самоанализъ завершается жбаномъ водки, въ которомъ они топятъ свое сознаніе.

Про ихъ историка можно сказать, что онъ повѣствуетъ о водкѣ, такъ какъ это своеобразное человѣчество буквально купается въ алкоголѣ, который струится на протяженіи всѣхъ страницъ, окутывая произведенія Горькаго своими парами, какъ мрачнымъ, угрюмымъ облакомъ, подобно тѣмъ тучамъ, которыми писатель украшаетъ свои сѣрые пейзажи. Читая его, можно подумать, что Россія,—это обширный кабакъ въ мрачномъ подвалѣ, провонявшемъ потомъ, жиромъ и керосиномъ, гдѣ облѣнившіеся бродяги въ лохмотьяхъ съ плачемъ и проклятіемъ бросаютъ другъ другу въ лицо всю правду-матку, утопая, затѣмъ, въ океанѣ водки. Это ужъ слишкомъ. Читателю противѣетъ все это и онъ проситъ пощады; съ чувствомъ отвращенія и утомленія закрываетъ онъ книгу, которую онъ началъ читать съ удовольствіемъ. Непрестанное повтореніе однихъ

и тѣхъ же мрачныхъ и мутныхъ образовъ вызвало въ немъ тошноту, какъ бы съ похмѣлья, — болѣзнь, которой въ русскомъ языкѣ отводится обширный словарь—существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ — то самое, что французы, просто, называютъ «головною болью».

III.

«Ѳома Гордѣевъ», изданный въ 1899 году, подалъ было надежду, что писатель, выступая теперь съ большимъ бытовымъ романомъ, расширитъ этимъ свой кругозоръ. Наблюдатель, повидимому, поднялся по соціальной лѣстницѣ нѣсколькими ступенями выше; онъ вывелъ на сцену купеческое сословіе, пожалуй, самое оригинальное по силѣ сопротивленія всякимъ новшествамъ въ Россіи. Со временъ Гоголя оно служитъ мишенью для романтиковъ и драматурговъ, изощряющихъ свое дарованіе на изображеніи купцовъ съ его легендарнымъ мошенничествомъ и ханжествомъ, съ его старомоднымъ покроемъ платья. Забравъ въ свои руки денежную силу, оно кичится тѣмъ, что сохранило при этомъ завѣтныя традиціи въ своемъ домѣ.

Въ своемъ романѣ Горькій цѣликомъ воспроизвелъ образы тѣхъ купцовъ, съ которыми онъ познакомился нѣкогда въ Нижнемъ: это прекрасные снимки съ ихъ дѣловитой жизни, въ частности, - хорошъ портретъ хитраго старика Маякина. По началу—книга увлекательна: самъ Толстой не отказался бы отъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, написанныхъ въ его духѣ, съ талантливо подобранными и яркими деталями: роды Натальи въ предсмертной агоніи, съ разсыпавшимися по подушкѣ, «точно мертвыя змѣи», черными локонами, въ то время, какъ мужъ ея, ожидающій конца ихъ, подкрѣпляетъ себя—всегдашнимъ средствомъ—водкою; смерть стараго Гордѣева, разбогатѣвшаго бурлака,

который многіе годы душилъ жизнь въ окружавшихъ его людяхъ своимъ грубымъ произволомъ, пока тѣло его не свалилось однажды въ саду, пораженное какъ бы громомъ, на землю, словно потянувшую его въ свое лоно;—и въ особенности первое любовное приключеніе Ѳомы, обаяніе женщины на 20-ти-лѣтняго юношу и внезапное перерожденіе его молодого существа подъ вліяніемъ неиспытанной еще женской ласки.

Продолженіе романа, однако, не соотвѣтствуетъ его началу. Ѳома награжденъ всѣми благами судьбы: онъ уменъ, непоколебимаго здоровья, съ огромнымъ богатствомъ и уваженіемъ среди купечества, завидный женихъ для невѣстъ, самостоятельно ведущій свое огромное предпріятіе, оставленное ему отцомъ. «Какъ-то онъ устроитъ свою жизнь?» Но онъ не пользуется всѣмъ этимъ, онъ ищетъ лишь смысла въ жизни. Неотвратимое зло, «тоска», отравляетъ его сердце и умъ. Все окружающее нагоняетъ на него тоску, все раздражаетъ, все кажется ему на землѣ такъ дурно устроеннымъ, въ особенности же на русской землѣ.—«Что дѣлать?», восклицаетъ Гордѣевъ, «что дѣлать?» Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ вышла въ свѣтъ подъ этимъ названіемъ извѣстная книга Чернышевскаго, сорокъ лѣтъ спустя послѣ Тургеневскаго Рудина и его безчисленныхъ собратьевъ, раздается все тотъ же неутихающій стонъ русскаго человѣка, съ тою же нескрываемою тоскою, чисто по-ребячески. Ѳома предлагаетъ свой вопросъ всѣмъ безъ разбору. Онъ тяготится своимъ богатствомъ, завидуя босякамъ, повидимому, посвященнымъ въ ту тайну, которую ему не удается разгадать; онъ сближается съ ними, пускается въ пьянство, пьетъ и пьетъ, отыскивая такими путями смыслъ жизни на пространствѣ 300 страницъ. Снова на насъ плыветъ цѣлый потокъ алкоголя, которымъ упиваются за счетъ молодого купца разные прощалыги. И презрѣнный металлъ, расточаемый направо и налѣво, никогда, благо-

даря счастливой привиллегіи всѣхъ романтическихъ героевъ, не изсякаетъ въ ихъ кошелькѣ. Бѣдный Ѳома! Вашъ литературный отецъ считаетъ васъ умнымъ,—свѣточемъ будущаго: и хотя —а, можетъ быть, и потому—вы шопенгауэрецъ, ницшеанецъ и т. д., но вы, рѣшительно, принадлежите къ 1830 году.

Не думайте, что Горькій порицаетъ этого тунеядца-Ѳому. Онъ одобряетъ его, противопоставляя ему разныхъ неспособныхъ къ работѣ низкихъ и алчныхъ до денегъ купцовъ. Между тѣмъ Гордѣевъ отличается такими рыцарскими поступками, какъ, напр., увѣсистая пощечина, данная имъ зятю губернатора — «человѣку съ большими связями». Все это не мѣшаетъ ему считать себя выше своей среды, потому что изъ глубины своей конуры, въ которой онъ устраиваетъ себѣ, если мнѣ позволятъ такъ выразиться, грязное брачное ложе, онъ все же «протестуетъ» и «выводитъ на чистую воду». Эти два послѣднія выраженія вошли за послѣднее время въ моду въ нѣкоторыхъ русскихъ кружкахъ. «Когда я вижу торжествующую свинью, я протестую», гордо заявляетъ одинъ изъ героевъ Чехова. Ѳома протестуетъ противъ всего и всѣхъ. Благодаря ему «священный духъ недовольства жизнью» проникъ даже за купеческій альковъ. Онъ обнажаетъ всю грязь своего сословія и всего соціальнаго строя, который ему хотѣлось бы преобразовать и улучшить. Въ концѣ этого романа, богачъ, Илья Кононовъ устраиваетъ на только что отстроенномъ волжскомъ пароходѣ званый обѣдъ, на который онъ приглашаетъ всѣхъ городскихъ тузовъ. Здѣсь представители почтеннаго купечества провозглашаютъ несмолкаемые тосты въ похвалу своему сословію, столь много потрудившемуся для экономической жизни на Волгѣ. Вдругъ, подобно Рюи Блазу въ совѣтѣ министровъ, поднимается молодой Гордѣевъ и начинаетъ обличать по очереди всѣхъ почтенныхъ собутыльниковъ, напоминая каждому изъ нихъ о скрытомъ нѣкогда томъ или иномъ преступленіи, обѣлен-

номъ нажитыми деньгами, о которомъ на биржѣ враги все же толкуютъ втихомолку: одинъ мошеннически открылъ банкъ, другой занимается развратомъ; всѣ прочіе нажили себѣ состояніе, кто подлогомъ, кто обманомъ, кто разореніемъ сиротскаго наслѣдства. Удары сыплются направо и налѣво, поднимается скандалъ, суматоха, при чемъ всѣ присутствующіе ополчаются на этого судью—завѣдомаго пьяницу, — на этотъ, впрочемъ, разъ, трезваго — и дѣло кончается тѣмъ, что его отправляютъ въ лечебницу для душевно больныхъ; плутоватый Маякинъ, назначенный опекуномъ Гордѣева, присваиваетъ себѣ административнымъ порядкомъ все его имущество, а Ѳома съ истинно благородными босяками вновь предается пьянству.

Въ этомъ романѣ съ небольшими и незаконченными эскизами нѣтъ ни одного ярко обрисованнаго дѣйствія, ни одного всецѣло воспроизведеннаго чувства,—это цѣпь мало выясненной психологической путаницы и странной болтовни [1]).

Въ Россіи «Ѳома Гордѣевъ» долженъ былъ, конечно, стяжать себѣ славу, хотя литературное его достоинство при этомъ не имѣло ровно никакого значенія; въ этой книгѣ увидѣли протестъ и даже философскій трактатъ: двѣ страстно обожаемыя вещи. Горькій раскрылъ въ этомъ романѣ свое краткое, мѣстами, правда, сбивчивое и немного напыщенное ученіе, которое старались найти и въ его прежнихъ произведеніяхъ.

Жизнь представляется этому мечтателю, какъ существующее само по себѣ, что-то вродѣ стремительнаго потока, то вызывающаго на сопротивленіе, то безслѣдно проносящагося мимо насъ.

Вотъ, изъ него-то мы и стараемся зачерпнуть «жизненной силы» для того, чтобы владѣть жизнью и людьми.

---

[1]) Авторъ не вѣритъ въ успѣхъ «Ѳомы Гордѣева» во Франціи, гдѣ уже переведенъ этотъ романъ, ссылаясь отчасти на трудность своеобразнаго «босяцкаго» языка въ подлинникѣ.

А люди жалки, потому что, по своей трусости, не цѣнятъ совершенной свободы: они зарываются въ свои дома, города, въ свою работу и богатства, они неспособны что нибудь создать, отважиться на смѣлое предпріятіе, подчиняясь благороднымъ душевнымъ влеченіямъ, ради которыхъ только и слѣдуетъ жить. Горькій выпустилъ нравоучительную сказку, озаглавленную «Чортъ». Нѣкій человѣкъ жалуется здѣсь на то, что не можетъ побѣдить своихъ страстей. Тогда является къ нему черезъ окно,—свою традиціонную дорогу,—чортъ и предлагаетъ ему свои услуги: больной, по его словамъ, можетъ тотчасъ выздоровѣть, стоитъ только сдѣлать небольшую операцію. Словно вытаскивая занозы, операторъ извлекъ одну за другой изъ его наболѣвшаго сердца всѣ страсти; послѣ того, какъ была исторгнуто послѣдняя изъ нихъ, оперированный издалъ звукъ, на подобіе пустой бочки; онъ внезапно превратился въ безсодержательный манекенъ съ безсмысленнымъ лицомъ, на которомъ застыло характерное для идіотовъ отъ рожденія невыразимое блаженство.

Выслушавъ однажды въ пекарнѣ жалобы Коновалова на свои недостатки, товарищъ его совѣтуетъ ему не тревожиться этимъ, убѣждая его въ томъ, что онъ былъ лишь неповинной жертвой своей жизни, среды и обстоятельствъ. На что Коноваловъ отвѣчаетъ, однако, съ похвальнымъ чувствомъ безпристрастнаго судьи:

«Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ неповиненъ, ежели я подлецъ есть! Кто виноватъ, что я пью? Сами мы передъ собой и жизнью виноваты» [1])....

Тѣ же жалобы и угрозы Гордѣева слышатся изъ устъ одного изъ послѣднихъ героевъ Горькаго, архитектора Шебуева,—изъ его романа «Мужикъ»:

«Что для насъ жизнь? Пиръ? Нѣтъ. Трудъ? Нѣтъ! Битва? О, нѣтъ!.. Жизнь для насъ что-то скучное, тягучее, сѣрое, какая-то обуза. Мы несемъ ее, вздыхая отъ уста-

[1]) Изд. тов. «Знаніе», т. II, 23—22.

лости и жалуясь на тяжесть ноши. Любимъ ли мы жить? Любовь къ жизни?... Вѣдь, это даже звучитъ совершенно чуждо нашему уху. Мы любимъ читать, спорить, мы любимъ наши мечты о будущемъ... Впрочемъ, платонической любовью любимъ мы ихъ, безплодною любовью» [1]).

Подобныхъ цитатъ, совершенно сходныхъ по существу, но разнообразныхъ, благодаря неистощимому вдохновенію въ выраженіи, можно подбирать чуть ли не сотнями. Краснорѣчивой страницей заканчивается, между прочимъ, сказка «Чортъ»:

«Тотчасъ же послѣ того, какъ докторъ скажетъ про васъ вашимъ близкимъ—умеръ... вы вступите въ нѣкую безграничную, ярко-освѣщенную область, и это есть область сознанія вашихъ ошибокъ. Вы лежите въ могилѣ въ тѣсномъ гробу и передъ вами проходитъ, вращаясь какъ колесо, бѣдная жизнь ваша. Она движется медленно до мучительности и вся проходитъ—отъ перваго сознательнаго шага и до послѣдней минуты вашей. Вы увидите все, что скрывали отъ себя при жизни, всю ложь и мерзость вашего бытія. Всѣ мысли ваши вы вновь передумаете, вы увидите каждый невѣрный вашъ шагъ, вся жизнь ваша возобновится, вся до секунды! И для того, чтобы усилить муки ваши, вы будете знать, что по той тѣсной и глупой дорогѣ, по которой шли вы,—идутъ другіе и толкаютъ другъ друга, и торопятся, и лгутъ... И вы понимаете, вы ясно видите—все это они дѣлаютъ лишь для того, чтобы со временемъ узнать, какъ позорно жить такой гнусной, бездушной жизнью» [2]).

Нужно быть большимъ мудрецомъ, чтобы разобраться въ философіи Горькаго; самъ авторъ призналъ себя неспособнымъ къ этому въ своемъ разсказѣ «Читатель», написанномъ въ минуту чистосердечной откровенности. У выхода изъ собранія, гдѣ только что друзья восхваляли

[1]) «Жизнь» 1900 Мартъ, 145.
[2]) Изд. тов. «Знаніе», т. III, 281.

его послѣднее произведеніе, къ нему подошелъ таинственный и насмѣшливый незнакомецъ. Все послѣдующее невольно заставляетъ думать, что этотъ субъектъ олицетворяетъ собою совѣсть. Незнакомецъ спрашиваетъ, по какому праву и во имя какого принципа учитъ онъ людей, и какую истину открываетъ онъ имъ. Писатель не находится что либо отвѣтить на это. Между тѣмъ непрошеный гость продолжаетъ мучить его до самаго утра:

«Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобы возвести случайный фактъ твоего существованія на степень феномена, необходимаго для людей. Ты даешь для того, чтобы больше взять отъ жизни и людей... А ты умѣешь любить людей?» [1])

Писатель задумывается и, по долгомъ размышленіи, сознается, что не умѣетъ. Далѣе онъ прямо исповѣдуется своему случайному духовнику:

«Я открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашелъ въ себѣ... И что я могу сказать людямъ? То, что давно уже говорили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушателей, но не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю ли я право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ они повелѣваютъ?» [2])

Въ отвѣтъ на увѣщанія заняться чтеніемъ книгъ, Ѳома Гордѣевъ открыто выразилъ сомнѣніе въ поучающее значеніе писателя: «Узнать изъ книгъ, какъ надо жить! Вотъ нелѣпость! Человѣкъ-то, писавшій книгу —не богъ; какія

[1]) Изд. тов. «Знаніе», т. III, 248.
[2]) Ibid 247.

*

же правила, какіе примѣры можетъ дать тебѣ человѣкъ?». Не проповѣдуетъ ли того же ученія и Горькій, постоянно насмѣхавшійся надъ другими: подобно Ѳомѣ, онъ ощупью ищетъ смысла жизни, его метафизическій туманъ нерѣдко напоминаетъ курьезную галлюцинацію, описанную имъ въ «Ошибкѣ»:

«Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣсколько разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ, отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ, затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь» [1]).

Нашъ философъ остается вѣрнымъ себѣ и послѣдовательнымъ лишь по отношенію къ двумъ вещамъ: къ ужасу передъ всякимъ обузданіемъ свободнаго проявленія страстей и восхищенію передъ силой. Во всѣхъ цитированныхъ отрывкахъ вы видите «сверхъчеловѣка» или романтика, что одно и то же.

Въ сущности, произведенія Горькаго—это горячій и настойчивый протестъ, направленный противъ стѣснительныхъ условій существованія. Своими картинами онъ пытается возбудить ужасъ. Это Гоголь, только менѣе радостный и спокойный, это—Гоголь разъяренный. Можно было бы опредѣлить его нигилистомъ, если было бы удобно прилагать этотъ двусмысленный эпитетъ къ русскому писателю.

Изъ всѣхъ принциповъ одинъ только радикальный нигилизмъ снискалъ благосклонность Горькаго; либеральные его наставники знаютъ кое что о причинахъ этого. Сначала они поощряли язвительныя преувеличенія этого смѣльчака; но вотъ онъ въ перемежку со старыми богами

[1]) Изд. тов. «Знаніе», т. I, 161.

разбиваетъ и ихъ собственныхъ идоловъ. Теоретики на его взглядъ стоятъ другъ друга, а въ современныхъ цѣлителей общественныхъ недуговъ онъ вѣритъ не больше, чѣмъ въ старинную медицину. Онъ не позволяетъ заковывать себя въ кандалы свободной мысли и въ цѣпи разныхъ «измовъ». О прессѣ, ея просвѣтительномъ значеніи и заслугахъ онъ говоритъ съ презрительной насмѣшкой. Ежовъ, богема провинціальной журналистики, наглядно представляетъ Гордѣеву свою профессію:

«Вмѣстѣ съ Ѳомой онъ шлялся до глубокой ночи по клубамъ, гостинницамъ, трактирамъ, всюду черпая матеріалъ для своихъ писаній, которыя онъ называетъ «щетками для чистки общественной совѣсти». Цензора онъ именовалъ «завѣдующимъ распространеніемъ въ жизни истины и справедливости», газету называлъ «сводней, занимающейся ознакомленіемъ читателя съ вредоносными идеями», а свою въ ней работу «продажей души въ розницу» и «поползновеніемъ къ дерзновенію противъ божественныхъ учрежденій» [1]).

Смѣлыхъ и мужественныхъ поступковъ, полной отрѣшенности отъ предвзятыхъ мнѣній,—вотъ то, чего требуетъ Горькій. Какъ же представляетъ онъ себѣ эту революцію, на что онъ надѣется? Прислушаемся повнимательнѣе къ словамъ стараго резонера, купца Маякина, выставленнаго въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» образцомъ смѣтливаго и практическаго ума. Простымъ, нѣсколько даже грубоватымъ языкомъ Маякинъ излагаетъ свои взгляды на будущее Россіи. Вотъ, одинъ изъ поучительныхъ отрывковъ:

«Смутилась Россія, и нѣтъ въ ней ничего стойкаго: все пошатнулось! Всѣ набекрень живутъ, на одинъ бокъ ходятъ, никакой стройности въ жизни нѣтъ... Орутъ только всѣ на разные голоса. А кому чего надо, никто того не понимаетъ! Туманъ на всемъ.... туманомъ всѣ

---

¹) Изд. библ. «Жизнь»—«Ѳома Гордѣевъ», 207.

дышатъ, оттого и кровь протухла у людей, оттого и нарывы... Дана людямъ большая свобода умствовать, а дѣлать ничего не позволено, — отъ этого человѣкъ не живетъ, а гніетъ и воняетъ»...

— «Что же надо дѣлать?—спросила Любовь.

— Все! — азартно крикнулъ старикъ. — Все дѣлай!... Валяй кто во что гораздъ! А для того надо дать волю людямъ полную свободу! Уже коли настало такое время, что каждый шибзикъ полагаетъ, про себя, будто онъ все можетъ и сотворенъ для полнаго распоряженія жизнью—дать ему, стервецу, свободу! На, сукинъ сынъ, живи! Ну-ка живи? А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія, почуявъ, что узда съ него снята,—зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда, и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать.»

«Старикъ сдѣлалъ паузу и съ ехидной улыбкой, понизивъ голосъ, продолжалъ:—А духа этого строительнаго совсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день-другой, потопорщится во всѣ стороны—и въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! сердцевина-то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Тутъ-то его, —хе-хе-хе!—голубчика, и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть, которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго-то жару? Такъ-съ...—И, повысивъ голосъ, властнымъ тономъ старикъ закончилъ свою рѣчь:

— «Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе,—молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики! Хе-хе-хе! Вотъ оно какъ произойдетъ, Любавка. Хе-хе-хе!

— «Ну и тогда-то вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ, жизнь на свой ладъ, по-умному устроятъ...

Не шаля-валя пойдетъ дѣло, а какъ по нотамъ. Не доживемъ до этого, жаль!..» [1])

Ба! Да, вѣдь, если я не ошибаюсь, это чистѣйшая якобинская теорія: та, которую открыто не провозглашаютъ, но съ успѣхомъ примѣняютъ хитрыя лисицы. Напрасно умеръ этотъ Маякинъ: онъ хорошо знакомъ съ революціонной кухней — искусствомъ нагрѣвать до кипѣнья котелокъ изъ народныхъ соковъ для того, чтобы въ удобный моментъ снять образовавшіяся пѣнки. Не увлекайтесь, однако, этими «буржуа» въ произведеніяхъ Горькаго: авторъ вдвойнѣ ихъ презираетъ, какъ романтикъ, подобно Флоберу.

Это замѣчаніе необходимо сдѣлать и мы дѣлаемъ его, такъ какъ оно нисколько не затрагиваетъ правдивости Горькаго.

Его Гордѣевъ — это типъ человѣка дикаго, протестующаго и срывающаго со всего личину.

Безчинствующій Ѳома олицетворяетъ собою одно почтенное качество русскаго народа. Историки и дипломаты считали русскихъ нелишенными нѣкотораго византійскаго лукавства, способности, развившейся подъ давленіемъ какого-то восторженнаго чистосердечія, наблюдающагося у всѣхъ классовъ общества. Дитя, хотя и лжетъ, однако ясный умъ его непрестанно требуетъ правды, и оно удивляется и сердится, когда скрываютъ ее. Нѣтъ ничего правдивѣе и чище русской откровенности, пока какое нибудь случайное уродливое вліяніе не исказитъ ея: кто изъ путешествовавшихъ по Россіи не удивлялся той наивной, иногда комичной прямотѣ, съ какою совершенно незнакомый человѣкъ завязывалъ съ нимъ въ вагонѣ разговоръ. Разоткровенничавшись на минуту, такой собесѣдникъ повѣствуетъ, какъ и всѣ говоруны Горькаго, о вещахъ, которыя обычно проходятся скромнымъ молчаніемъ: о своихъ дѣлахъ, своей семьѣ, о своемъ характерѣ, своихъ секретныхъ болѣзняхъ.

[1]) Изд. биб. „Жизнь“, 150.

Этотъ младенческій народъ-идеалистъ, жаждущій правды и въ то же время очень невѣжественный, тотчасъ же приходитъ въ негодованіе, когда ему раскрываютъ глаза, когда онъ замѣчаетъ всю условную фальшь. Съ критической точки зрѣнія все оказывается вдругъ смѣшнымъ, низкимъ и жестокимъ обманомъ. При первомъ же толчкѣ возмущенное чувство раздражается до полнаго отрицанія. Есть что-то трогательное въ этомъ первомъ, мятежномъ движеніи ума, въ которомъ, при его непродолжительности, сохраняется полная нетронутость и бываетъ много искренняго и безкорыстнаго; со временемъ, когда оказывается хоть небольшой успѣхъ, самъ протестантъ попадаетъ въ замкнутый кругъ условной лжи, отлично приспособляется тамъ и вскорѣ начинаетъ важничать съ сознаніемъ побѣды и съ тою же непринужденностью, какъ и покоренные его противники.

И порывистая болтовня героевъ Горькаго о смыслѣ жизни, и не менѣе ревностные споры публики и критики объ идеяхъ писателя—все это оказывается на провѣрку не больше, какъ серьезничаньемъ маленькихъ дѣтей. Громадная масса читателей интересуется его идеями больше, чѣмъ его талантомъ. Мучительность нравственныхъ запросовъ мѣшаетъ имъ наслаждаться красотою,—въ тѣхъ же нескончаемыхъ отповѣдяхъ, которыя производятъ на насъ отталкивающее впечатлѣніе, они, напротивъ, находятъ удовольствіе, разъ только сюжетъ захватываетъ ихъ. На французской выставкѣ 1889 г. нѣкій изобрѣтатель, изъ русскихъ крестьянъ, показывалъ множество остроумныхъ приборовъ, придуманныхъ имъ совершенно самостоятельно къ сожалѣнію, приборы эти, которыми онъ такъ восторгался, были не больше, какъ зачаточною формой машинъ, давно изобрѣтенныхъ и улучшенныхъ нашею міровою промышленностью. Въ такомъ же положеніи русскіе романы и ихъ читатели: съ большою наивностью берутся они за задачи, уже рѣшенныя человѣчествомъ, по крайней мѣрѣ,

на практикѣ; они снова принимаются за старинное геометрическое вычисленіе квадратуры круга. Мы заранѣе уже улыбаемся этому; но, когда за это же самое берется Толстой, когда онъ съ холодной рѣшимостью начинаетъ интегрировать мнимыя величины, мы начинаемъ интересоваться этимъ: безпокойныя дѣти показываютъ намъ, что всѣ общепринятыя рѣшенія вопросовъ не болѣе, какъ временныя. Старикъ улыбается дѣтскимъ вопросамъ, на которые онъ не можетъ отвѣтить, а они видятъ въ немъ мечтателя.

IV.

Въ чемъ же соціальное значеніе Горькаго? Мыслители, какъ и капиталисты, въ долгу у общества: они повѣряютъ насъ и мы сообщаемъ имъ наши думы, взамѣнъ чего они обязуются вознаградить насъ.

Оставивъ, во избѣжаніе повтореній, въ сторонѣ безспорно живой и пластичный талантъ писателя, балансъ подвести ему не трудно: онъ не далъ ничего кромѣ отрицаній. Его предшественники оставили своей странѣ родныя ей идеи и чувства, вдохновлявшія русскую мысль: Горькій теперь разсѣкаетъ ее на части, но чѣмъ же онъ возмѣщаетъ?

Я не встрѣтилъ въ его «Разсказахъ» ни одной страницы, обнаружившей моральныя или нравственныя убѣжденія, или даже простого интереса къ этимъ понятіямъ. Нѣкогда каждая русская книга была по своему содержанію строго ортодоксальна; она свидѣтельствовала непоколебимость вѣры, этой національной связи громаднаго союза людей. Послѣ того появился духъ безпокойства и сомнѣнія, всецѣло еще, однако, проникнутый религіознымъ духомъ. Произведенія Толстого — это жгучій вопросъ о тайнѣ бытія, это кропотливое изслѣдованіе насущной человѣческой потребности. Кому не припоминается задушев-

ный монологъ князя Андрея подъ Аустерлицемъ. Столь же мучительно допытывается до смысла жизни Безуховъ и Левинъ, съ тою лишь разницей, что они ищутъ его, заботясь въ то же время о своемъ нравственномъ совершенствованіи. Въ то время, какъ поучались они у простого народа, отыскивая тамъ живое пониманіе евангельскаго ученія,—Тургеневъ открыто сталъ за народъ, представляя намъ его трогательныя, мужественныя и самоотверженныя добродѣтели; его перо подточило цѣпи, сковавшія этотъ народъ. Достоевскій проповѣдовалъ Россіи горячее чувство любви и братства: наиболѣе жизненнымъ чувствомъ въ его сочиненіяхъ явилось состраданіе. Задолго до Горькаго и съ неменьшимъ рвеніемъ посѣщалъ онъ «босяковъ»; онъ столкнулся съ ними въ самомъ острогѣ, гдѣ читалъ имъ евангеліе.

Пьяпенькій Мармеладовъ съ Соней, въ «Преступленіи и наказаніи», проложили дорогу тѣмъ пьяницамъ и публичнымъ женщинамъ, которыми такъ кишатъ теперь разсказы Горькаго Но какая разница въ родственныхъ типахъ, въ ихъ смиреніи, простодушіи и скрытой задушевной красотѣ! Можно ли было насмѣяться надъ этой «религіей человѣческаго страданія?» Нѣтъ, она пробуждала только добрыя чувства.

Горькій представляетъ намъ иную Россію: она жестче, эгоистичнѣе,—она отверженная. Къ чувствамъ, волновавшимъ человѣка сороковыхъ годовъ, онъ кажется совершенно равнодушнымъ. Онъ вполнѣ безучастенъ къ нимъ. Въ сочиненіяхъ его игнорируются важнѣйшія ортодоксальныя вѣрованія; кое гдѣ, впрочемъ, вспоминается о нихъ, какъ объ антикварномъ магазинѣ, откуда можно достать рамку, годную для портрета какого нибудь стариннаго купца. Въ постоянныхъ разговорахъ, достаточно обрисовывающихъ психику героевъ, нельзя даже заподозрить чего либо мистическаго, того, что такъ волнуетъ русскій народъ, этотъ глубокій родникъ, изъ котораго брызжетъ столько

живительныхъ потоковъ. Незначительная бесѣда благочестиваго странника съ Ѳомой Гордѣевымъ, котораго не удается все таки исцѣлить, вотъ единственный намекъ на одну изъ замѣчательныхъ чертъ русскаго народа, въ высшей степени свойственную той средѣ, въ которую вводитъ насъ писатель. Ягнята Достоевскаго у него становятся волчатами; временами, правда, у нихъ появляется братское чувство состраданія, то, что все же отличаетъ ихъ отъ схожаго во многихъ отношеніяхъ съ ними животнаго съ его инстинктами; но чаще сердце ихъ, ожесточенное корыстью и страстями, черствѣетъ; связь съ обществомъ порывается. Безграничный индивидуализмъ, страдающій отъ неудовлетворенности, ищетъ забвенія въ чувственныхъ наслажденіяхъ; высшее, хотя и очень смутное, стремленіе къ развитію гордаго сознанія, пригоднаго для совершенія великихъ дѣлъ,—правда, еще никому неизвѣстныхъ,—вотъ, послѣднее слово въ произведеніяхъ Горькаго.

Я отнюдь не забылъ того, что онъ „срываетъ маску“, выставляя общество такимъ сквернымъ лишь для того, чтобы побудить къ уничтоженію этой скверности; почему же, однако, онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ идеальномъ планѣ, по которому онъ хотѣлъ бы его перестроить. Онъ самъ, впрочемъ, сознается, что лишенъ того „созидающаго духа“, о которомъ такъ охотно говорятъ выводимые имъ философы. Онъ призываетъ и проповѣдуетъ наступленіе царства разума,—разума сильныхъ. Очевидное преимущество ихъ намъ показано,—и, какъ бы ни перевернулся міръ, оно останется за прекраснымъ, смѣлымъ бандитомъ, побѣдителемъ трусовъ.

Въ этомъ - возвратъ къ своимъ, конечно, стариннымъ родичамъ, а именно, къ аристократическому идеалу романтизма. Горькій лишь опростилъ этотъ идеалъ,—вотъ и все. Пушкинскіе и Лермонтовскіе дворяне также, вѣдь, терзались мукой жизни въ петербургскихъ салонахъ; какъ протестовали эти непонятые дворяне противъ пошлости

высшаго свѣта; возвышенная ихъ тоска искала выхода и въ полной отрѣшенности отъ какихъ бы то ни было условій, и въ разныхъ приключеніяхъ, и въ свободномъ проявленіи страстей. Онѣгинъ и Печоринъ ожили въ своихъ плебейскихъ внукахъ—Челкашѣ, Сережкѣ и Коноваловѣ. Они потеряли врожденное изящество, а байроновскій плащъ смѣнили на красную мужицкую рубаху; они ходятъ босикомъ, говорятъ на воровскомъ языкѣ, пьютъ водку вмѣсто шампанскаго. Да, они снова вернулись, на этотъ разъ изъ нисшихъ слоевъ, со своимъ пустымъ, но надменнымъ сердцемъ. „Левъ" романтизма остался такимъ же, какимъ и былъ, каковъ онъ и есть по своей натурѣ, за что мы его и приняли, несмотря на литературное очарованіе, обольщавшее насъ: молодымъ эгоистичнымъ животнымъ, гордымъ и разнузданнымъ.

Ахъ, какъ узокъ тотъ кругъ, въ которомъ вращается наша мысль, жадная до новыхъ впечатлѣній! Я настаиваю такъ на воскресеніи плохо скрытаго романтизма потому, что направленіе это, помимо Горькаго и помимо Россіи, характеризуетъ собой всю Европу съ ея писателями изъ молодого поколѣнія.

Наука, съ ея изумительными безпроволочными телеграфами, открываетъ намъ блестящіе горизонты. Кажется, что и въ духовномъ мірѣ имѣется подобная таинственная передача. Здѣсь также можетъ появиться вдругъ, безъ матеріальныхъ проводовъ, нить между двумя очень отдаленными душами, съ неодинаковымъ культурнымъ воспитаніемъ, рождающими, тѣмъ не менѣе, одинъ и тотъ же звукъ, въ одинъ и тотъ же моментъ. Сопоставьте мысленно тѣхъ трехъ писателей, которыхъ мы должны считать въ данную минуту представителями своей страны, пользующимися наибольшимъ успѣхомъ и любимыми молодежью. Россія дала намъ Максима Горькаго; Италія—Габріэля д'Аннунціо; новѣйшая Англія—Ричарда Киплинга.

Первый изъ нихъ живетъ на Волгѣ, онъ учился урыв-

ками, не былъ знакомъ съ ходомъ иностранныхъ идей и, конечно, не прочелъ ни одной страницы изъ сочиненій двухъ другихъ писателей. Англичанинъ, воспитанный въ Индіи, не могъ, въ свою очередь, прочесть ни одной строчки, написанной русскимъ писателемъ, и не думаю, чтобы онъ былъ знакомъ и съ итальянскимъ. Послѣдній изъ нихъ писалъ раньше, чѣмъ читалъ Киплинга, а если до него и дошло имя Горькаго, то не дальше, какъ вчера. Единственно только онъ, пожалуй, знакомъ съ Ницше, ихъ общимъ духовнымъ отцомъ. Между тѣмъ эти три автора оказываются похожими другъ на друга по своимъ примѣтамъ, указывающимъ какъ бы на фамильное сходство: сходство это — романтизмъ. Романтиками являются они прежде всего въ лирикѣ, въ силу своей глубокой впечатлительности къ красотамъ природы, по причинѣ своего пристрастія ко всему иностранному, по своей оригинальности, въ особенности же, по своему воззрѣнію на человѣка и его назначеніе, по своему преклоненію передъ индивидуумомъ, силой, страстью,—однимъ словомъ, по своей антиморальности. Повѣсти Горькаго черпаются изъ того же источника вдохновенія, что и разсказы Киплинга: излюбленные ихъ герои одинаково отличаются порывистыми и грубыми инстинктами, стремленіемъ уйти изъ общества,— и жестокимъ, тщеславнымъ желаніемъ покорить его себѣ; далѣе, отсутствіемъ чувства совѣсти, которую они считаютъ за достояніе отжившей цивилизаціи. Менѣе демократичный д'Аннунціо желаетъ вложить въ представителей аристократіи порочную энергію Борджіевъ; но онъ смѣло бы могъ подписаться подъ нѣкоторыми изъ описаній Горькаго, въ частности, подъ его протестомъ противъ буржуазнаго общества, подъ его требованіемъ жить «красиво»: можно, кажется, думать, что русскій авторъ писалъ подъ диктовку итальянца, объ имени котораго, можетъ быть, онъ и не слыхалъ, статью, напечатанную въ 1895 г. въ «Самарской Газетѣ».

Расширить кругъ этихъ аналогій легко: сюда подошелъ бы съ успѣхомъ нѣмецкій Гауптманнъ; а Сенкевичъ, развѣ это не тотъ же нео-романтикъ въ духѣ Александра Дюма? Я уже не говорю о Франціи: литературная мастерская ея такъ велика и такъ переполнена различными теоріями и формами авторства, имѣющими многочисленныхъ и искусныхъ защитниковъ, что прямо не возможно рѣшить, кто изъ нихъ лучше выражаетъ національное направленіе, если только во Франціи можно отыскать таковое; французу, впрочемъ, трудно судить объ этомъ. Къ тому же слѣдуетъ поостеречься слишкомъ широкихъ обобщеній, чтобы не показать ихъ вполнѣ произвольными. Я взялъ трехъ писателей совершенно различныхъ странъ Европы, съ произведеніями коихъ я ознакомился: я не рѣшаюсь положительно настаивать на томъ, что всѣ эти столь ярко выраженные таланты имѣютъ одинаковую физіономію, но я полагаю, что со мною согласятся въ томъ, что всѣ онѣ единодушно превозносятъ одинъ и тотъ же человѣческій, или, вѣрнѣе, нечеловѣческій образецъ,— который можно опредѣлить, какъ типъ молодого варвара.

Вѣдь, это полное отрицаніе идеала, съ такимъ усиліемъ созданнаго нашими предшественниками, моралистами. Бѣдный XIX вѣкъ! онъ думалъ, что его труды послужатъ на благо цивилизаціи; онъ думалъ, умирая, что оставляетъ ее болѣе разумною и мягкою, защитницею слабыхъ. Всѣ его наставленія, однако, поблѣднѣли передъ практическими задачами дѣльцовъ. Новое поколѣніе почти не занимается гуманитарными сочиненіями; свой образецъ оно видитъ не въ книжномъ текстѣ, а въ лицахъ. дерзкихъ и честолюбивыхъ: въ грубыхъ потрошителяхъ человѣческаго мяса, въ Наполеонѣ, Бисмаркѣ. А эти проповѣдники права сильныхъ все еще продолжаютъ обольщать умы; обаяніе ихъ примѣра превосходитъ убѣжденность идеологовъ, взятыхъ всѣ вмѣстѣ. Первый изъ нихъ, болѣе театральный, способствовалъ, въ значительной мѣрѣ, появленію роман-

тиковъ стариннаго калибра, онъ возбудилъ въ нихъ стремленіе дотянуться до него; отсюда до крайности надутое воображеніе ихъ. Второй, истый реалистъ, нашелъ себѣ явныхъ и скрытыхъ подражателей среди политическихъ дѣятелей; онъ повліялъ на нихъ, какъ мечтатель и философъ; и вотъ теперь эти образцы въ искусствѣ преуспѣянія становятся прямо настоящими хозяевами мысли и слова.

У нео-романтиковъ нѣтъ ни иллюзій, ни наивности ихъ предковъ. Эти послѣдніе отдѣлывались словами и, заплативши дань чувственнымъ наслажденіямъ, надѣялись взлетѣть очень высоко,—мечта возмущенной гордости. Ихъ преемники, вооруженные наукой, закованные анализомъ, знаютъ, куда и зачѣмъ они идутъ.

Властители, они прикрываются холоднымъ изреченіемъ древняго Латинскаго поэта: paucis humanum vivit genus. Они убѣждаютъ насъ въ томъ, что слабые это жалкая горсть земли, годная лишь для того, чтобы служить объектомъ для творчества сильныхъ; они поддерживаютъ этотъ трагическій раздоръ, разъединяющій нашу интеллигенцію благовидными аргументами.—«Право и мораль, альтруизмъ и солидарность—вотъ, блага цивилизаціи», говорятъ намъ запоздалые философы.—«А расовые интересы?» возражаютъ имъ новѣйшіе теоретики.

Развѣ вы не замѣчаете, какъ чахнетъ раса, какъ слабѣетъ сила воли, а вмѣстѣ съ ней и прочія жизненныя силы? Спасеніе въ дѣланіи. Всѣ же почти великія дѣла совершались произволомъ, вопреки нравственности. Развѣ, однако, вы не знаете, что всѣ истинно великіе поступки принадлежатъ великимъ людямъ и, что не слѣдуетъ вообще колебаться въ средствахъ при осуществленіи предназначеннаго. Это бѣдовое поколѣніе пользуется большимъ успѣхомъ еще и оттого, что всякимъ искусственнымъ преградамъ, созданнымъ сомнительною благонадежностью, оно противоставляетъ природные инстинкты, даже пустымъ словамъ иногда настоящія вороньи пугала. Мудрецы XIX в.,

какъ оказывается, нерѣдко обосновывались на подозрительномъ фундаментѣ, а, именно, на принципахъ, провозглашенныхъ безсмертными, только потому, что они являлись достаточно выгодными.

Безцеремонные бродяги Горькаго однимъ ударомъ ноги разнесутъ всю эту постройку.—«Прочь, старики!» кричатъ они, посмѣиваясь надъ мудрыми правилами,—«міръ для насъ! Мы такъ же сумѣемъ владѣть имъ, какъ и вы владѣли. Среди насъ найдутся свои Дантоны и Робеспьеры, а, можетъ быть, даже Бонапарты и Бисмарки; чѣмъ они хуже вашихъ законодателей.» Вотъ, теорія Маякина.

Озаренный свѣтомъ знанія, почившій вѣкъ передъ своею смертью завѣщалъ людямъ чувства любви и братства, но вотъ, изъ-за тумана поднялись и закружились молодые ястребята; ихъ пронзительные крики заглушаютъ тихую рѣчь умирающаго, они уже точатъ когти на свою добычу и ждутъ лишь бурнаго порыва вѣтра, чтобы попробовать силу своихъ крыльевъ. Все наполнилось шумомъ ихъ стаи, и съ безпокойною надеждою устремляются на нихъ общіе взоры. Не заявятъ ли они, что овладѣли тайною жизни, сокрытою въ силѣ? Разочаровавшись въ старинныхъ своихъ наставникахъ, обезвкусившихъ этотъ смыслъ своими безплодными усиліями, и чувствуя отвращеніе къ слабости, люди охотно идутъ на новую приманку.

«Но, вѣдь, все это лишь поэтическія мечтанія, которыя не окажутъ вліянія на ходъ вещей,» скажутъ намъ люди, дѣйствительно хладнокровные или выдающіе себя за таковыхъ. Возможно.

Максимъ Горькій является въ Россіи однимъ изъ предвозвѣстниковъ и наиболѣе замѣтныхъ представителей подобнаго настроенія. Такой характеръ писателя выяснился для меня лишь послѣ глубокаго изученія его произведеній. Не обольстился ли я, однако, тѣмъ, отъ чего такъ трудно оборониться—его талантливостью?

Я не слишкомъ бы даже сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ это—еще лучшая форма заблужденія. Къ этому изученію я приступилъ, правда, безъ всякаго предвзятаго намѣренія, повинуясь лишь чувству, возбужденному во мнѣ писателемъ, но постепенно ослабѣвшему послѣ того, какъ разсудокъ осудилъ мой восторгъ. Оно было бы значительно ярче и живѣе, если бы авторъ не помрачилъ моего представленія о Россіи и русскомъ народѣ.

«Кузьма»,—говоритъ мельникъ въ «Тоскѣ» своему работнику, такому же, какъ и всѣ остальные, бродягѣ, покидающему мельницу потому, что его уже подмываетъ идти дальше куда нибудь на просторъ...

«Кузьма, вѣдь, ты мыльный пузырь, вотъ, такой же, какіе выдуваетъ изъ соломинки мой маленькій Митька: они блещутъ всѣми цвѣтами радуги, на мгновеніе взлетаютъ и тотчасъ лопаются»...

Горькій, повидимому, хочетъ насъ увѣрить, что и онъ самъ, и его идеи, и всѣ люди, о которыхъ онъ говоритъ и которые его слушаютъ, не больше, какъ мыльные пузыри, вздымающіеся и лопающіеся надъ поверхностью застоявшагося болота, заснувшаго среди русскихъ дебрей: зловонныя испаренія этой стоячей воды, скрытой подъ торфомъ, выдѣлились вслѣдствіе вѣкового внутренняго разложенія. Мы, однако, не вѣримъ этому. Другое дѣло, если бы онъ оказался во главѣ громаднаго класса лицъ, покорныхъ его голосу, тогда я повѣрилъ бы этому. Но, если даже второстепенные русскіе писатели въ значительной мѣрѣ возбуждаютъ наше любопытство, то это лишь потому, что они говорятъ за множество другихъ, точнѣе, за громадное число людей. Въ этомъ мало дифференцированномъ мірке блестящіе пузыри отражаютъ въ себѣ множество другихъ подобныхъ. Тотъ же, который насъ теперь занимаетъ, свѣтится яркими красками. Создатель произвелъ его въ счастливый часъ: пожелаемъ же ему уцѣлѣть, увеличиться и

взлетѣтъ повыше. Горькій долженъ высоко подняться, если только съумѣетъ онъ удержать наслѣдіе великой эпохи.

Я живо представляю себѣ Льва Толстого, прикованнаго къ ложу болѣзнями, посылающимъ молодому человѣку дивное письмо, вродѣ того, какое онъ самъ получилъ нѣкогда отъ старика Тургенева, въ залогъ власти надъ умами: «Другъ мой, вашъ даръ изъ той же страны, откуда всѣ мы явились.» Это будетъ не Россія, если Горькій не услышитъ просьбы наиболѣе ревностныхъ его почитателей, —просьбы высказанной однажды товарищемъ его Коноваловымъ: «Максимъ! давай въ небо смотрѣть!»

